

**ВЛАДИМИР
ЖАБОТИНСКИЙ**

ПЯТЕРО

РОМАН

**ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2011**

Вместо предисловия

Начало этого рассказа из быта прежней Одессы относится к самому началу нашего столетия. Первые годы века тогда у нас назывались «весна» в смысле общественного и государственного пробуждения, а для моего поколения совпали также с личной весной в смысле подлинной двадцатилетней молодости. И обе весны, и тогдашний облик веселой столицы Черноморья в акациях на крутом берегу сплелись у меня в воспоминании с историей одной семьи, где было пятеро детей: Маруся, Марко, Лика, Сережа, Торик. Часть их приключений прошла у меня на глазах; остальное, если понадобится, расскажу понаслышке или досочиню по догадке. Не ручаюсь за точность ни в жизнеописаниях героев, ни в последовательности общих событий, городских или всероссийских, на фоне которых это все произошло: часто память изменяет, а наводит справки некогда. Но в одном уверен: те пятеро мне запомнились не случайно, и не потому, что Марусю и Сережу я очень любил, и еще больше их легкомысленную, мудрую, многострадальную мать, — а потому, что на этой семье, как на классном примере из учебника, действительно свела с нами счеты — и добрые, и злые — вся предшествовавшая эпоха еврейского обрусения. Эту сторону дела, я уверен, расскажу правдиво, без придиричivosti, тем более, что все это уже далеко и все давно стало грустно-любимым. «Я сын моей поры, мне в ней понятно добро и зло, я знаю блеск и тлю: я сын ее, и в ней люблю все пятна, весь яд ее люблю».

I

Юность

Впервые я увидел госпожу Мильгром и ее старшую дочь на первом представлении «Моны Ванны» в городском театре. Они сидели в ложе бенуара неподалеку от моего кресла; в ложе было еще трое, но из другой семьи. Я их заметил по причине и лестной, и очень нелестной для моего самолюбия. Началось с того, что сидевший рядом со мною молодой коллега по газете, бытописатель босяков и порта, сказал мне под шум наполнявшегося зала: «Посмотри вправо, на ту рыжую евреечку в третьей ложе: как котенок в муфте!» Ему иногда прекрасно удавались сравнения: барышня в самом деле выглядывала из своей пушистой ярко-красной прически, как кошечка из мехового кольца на конфетной коробке. В то же время я увидел, что дама показала девушке на меня и что-то сказала, видно, мою газетную кличку, а дочь сделала большие глаза, недоверчиво пожала плечами и ответила (я это ясно видел по ее губам): «Неужели? не может быть!»

Во втором антракте я пошел на галерку повидаться с приятелями-студентами. Важный институт была в нашем городском театре галерка: царство студентов; боковые сиденья, кажется, чуть ли не только им и выдавались. Поэтому всегда там особо дежурил околоточный надзиратель, всегда какой-

нибудь благообразный богатырь с двумя бородами на груди, как у генерала, и в резерве у него имелись городовые. Когда студенты буянили (например, когда старый Фигнер пустил петуха на высокой ноте в «Гугенотах», и ему по этому поводу кстати еще припомнили небратское отношение к сестре, сидевшей в Шлиссельбурге), появлялись городовые и выводили студентов за локти, а надзиратель шагал позади и почтительно приговаривал: «Пожалуйте, господин студент, как же так можно...»

В этот вечер никто не буянил. Газеты уже две недели готовили народ к постановке «Моны Ванны»; не помню как, но несомненно вложили и в эту пьесу некий революционный смысл (тогда выражались «освободительный»; всё в те годы преломлялось, за или против, чрез освободительную призму, даже пискливый срыв голоса у тенора, именовавшегося солистом его величества). Представление оправдало все ожидания. Героиню играла актриса, в которую все мы тогда были просто влюблены: половина барышень в городе подражали ее ласково-унылому голосу и подавали знакомым руку не сгибая, ладонью вниз, как она. «Фойе» галерки, обычно в антрактах похожее на аллею бульвара, где тянулись параллельно одна другой две тесные реки гуляющих, теперь напоминало форум: всюду кучки, и в каждой кучке спор об одном и том же — мыслимая ли вещь, чтобы Принцивалле просидел с Моной Ванной в таком наряде целую ночь и не протянул к ней даже руки?

Об этом шумели студенты и в той группе, где я нашел своих приятелей; сквозь их весьма повышенные тоны я слышал, что и в соседней толпе, особенно многолюдной, кипятились о том же. Вдруг я заметил, что в центре там стояла та рыжая

барышня. На вид ей было лет девятнадцать. Она была невысокого роста, но сложена прекрасно по сдобному вкусу того полнокровного времени; на ней был, конечно, тесный корсет с талией и боками, но, по-видимому, без «чашек», что в среднем кругу, как мне говорили, считалось новшеством нескромным; и рукава буфами не доходили даже до локтей, и хотя воротник платья по-монашески подпирал ей горло, под воротничком спереди все-таки был вырез вершка в полтора, тоже по тогдашнему дерзость. В довершение этого внешнего впечатления, до меня донеслись такие отрывки разговора:

— Но мыслимо ли, — горячился студент, — чтобы Принцивалле...

— Ужас! — воскликнула рыжая барышня, — я бы на месте Моны Ванны никогда этого не допустила. Такой балда!

Окружающие засмеялись, а один из них совсем заликовал:

— Вы прелесть, Маруся, всегда скажете такую вещь, что расцеловать хочется...

— Подумаешь, экое отличие, — равнодушно отозвалась Маруся, — и так скоро не останется на Дерibasовской ни одного студента, который мог бы похвастаться, что никогда со мной не целовался.

Больше я не расслышал, хотя начал нарочно прислушиваться.

Закончился спектакль совсем величаво. После первого и второго акта партер и ложи еще выжидали, что скажет высшая законодательница — галерка, и только по ее сигналу начинали бурно хлопать; но теперь сами своевольно загремели и ложи, и партер. Несчетное число раз выходил кланяться весь состав,

потом Мона Ванна с Принцивалле, потом Мона Ванна одна в своей черной бархатной драпировке. Вдруг из грохота рукоплесканий выпала главная нота — замолчала с обеих сторон боковая галерка: знак, что готовится высшая мера триумфа, до тех пор едва ли не исключительная привилегия итальянских певиц и певцов — студенты ринулись в партер. Остальная публика, не переставая бить в ладоши, обернулась выжидательно; расписной занавес опять поднялся, но еще никого не было на сцене — там тоже ждали высочайшего выхода юности. Через секунду по всем проходам хлынули вперед синие сюртуки и серые тужурки; помню, впереди всех по среднему проходу семимильными шагами шел огромный грузин, с выражением лица деловым, серьезным, грозным, словно на баррикаду. Подойдя к самому оркестру, он сунул фуражку под мышку и неторопливо, может быть, и не очень громко, с великим уверенным достоинством мерно и отчетливо трижды ударил в ладоши («словно султан, вызывающий из-за решетки прекрасную Зюлейку», было на следующий день сказано в одной из газет). И только тогда, в ответ на повелительный зов падишаха, вышла из-за кулис прекрасная Зюлейка; я видел, у нее по настоящему дрожали губы, и спазмы рыданий подкапывались к горлу; кругом стояла неописуемая буря; два капельдинера выбежали из-за кулис убирать корзины с цветами, чтобы очистить поле для того, что тогда считалось дороже цветов: на сцену полетели мятые, выцветшие, с облупленными козырьками голубые фуражки. Позади студентов стояли пристава и околоточные, каждый, как на подбор, с двумя бородами на груди; вид у них был благосклонный, разрешительный, величественно-праздничный, под стать пылающему хрусталу,

позолоте, кариатидам, красному бархату кресел и барьеров, парадным одеждам хлебных экспортеров и их черноглазых дам, всему великолепию беспечной сытой Одессы. Я оглянулся на Марусю: она была вне себя от счастья, но смотрела не на сцену, а на студентов, дергала мать за вздутые у плеч рукава и показывала ей, по-видимому, своих ближайших друзей в толпе синих сюртуков и серых тужурок, называя имена; если правильно помню — до двадцати, а то и больше, пока не пополз с потолка, тоже величаво, пожарный занавес.

Содержание

Вместо предисловия	3
I. Юность	4
II. Сережа	9
III. В «литературке»	17
IV. Вокруг Маруси	25
V. Мир «делов»	32
VI. Лица	38
VII. Марко	46
VIII. Мой дворник	54
IX. Инородец	61
X. Вдоль по Дерибасовской	69
XI. Многогранная душа	77
XII. Арсенал на Молдаванке	85
XIII. Вроде Декамерона	95
XIV. Вставная глава, не для читателя	103
XV. Исповедь на Ланжероне	110
XVI. Синьор и мадмуазель	121
XVII. Богоискатель	132
XVIII. Потемкинский день	142
XIX. Потемкинская ночь	150
XX. Не туда	160
XXI. Широкие еврейские натуры	167
XXII. Еще исповедь	174
XXIII. В гостях у Маруси	181
XXIV. Мадмуазель и синьор	193
XXV. Гоморра	203
XXVI. Неладное	213
XXVII. Конец Маруси	222
XXVIII. Начало Торика	232
XXIX. L'envoi	243